

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

КОРОЛЬ БЬЕТ ДАМУ

Полковник Гуров

Николай Леонов
Король бьет даму

«Научная книга»

2012

Леонов Н. И.

Король бьет даму / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2012 — (Полковник Гуров)

Рядом с особняком бизнесмена Николая Амосова найден труп его дочери Даны с огнестрельным ранением. На место преступления срочно отправляются полковники Гуров и Крячко. Едва они прибыли туда, как стало известно, что убит также и брат Амосова Виктор. Причем убит из пистолета, принадлежащего Николаю Амосову. Начав выстраивать в хронологическом порядке события, Гуров выяснил, что незадолго до гибели Дана звонила некоему человеку по имени Никита. А дальше начались сплошные тайны...

© Леонов Н. И., 2012

© Научная книга, 2012

Содержание

Глава первая	10
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Король бьет даму

Никита Маринов проснулся от телефонного звонка. Проснулся и сразу же вздрогнул. Собственно, так он в последнее время просыпался постоянно, вне зависимости от того, явился ли причиной пробуждения посторонний шум либо просто естественное состояние организма. Страх стал практически его спутником. От этого и сон Никиты был не глубоким, полноценным, а рваным и нервным, кое-как поддерживающим его силы. Которых, увы, оставалось не так много. Никита сам ощущал, что ресурсы его почти исчерпаны и он находится на грани нервного срыва.

Спросонья потянувшись было к трубке, Никита тут же отдернул руку, с испугом посмотрел на телефонный аппарат и на всякий случай решил не отвечать. Телефон продолжал звонить, настойчиво и непрерывно. Не выдержав, он взял с дивана подушку и накинул ее сверху, утрамбовав поплотнее. Этот детский поступок, лишенный всякой логики и здравого смысла, тем не менее позволил ему хотя бы унять дрожь в руках. Подбадривая себя, Никита прошел в ванную, открыл кран и принялся пригоршнями бросать в лицо холодные брызги. Когда в висках заломило, полотенцем растер его, и оно тут же запылало. Взглянул в зеркало: на него смотрело покрасневшееся осунувшееся лицо с темными синяками под глазами, в которых застыло напряжение.

Возвращаться в комнату не хотелось, словно именно с ней были связаны причины его состояния, поскольку пресловутый телефонный аппарат находился именно там, но он все же заставил себя вернуться. Не успел переступить порог, как зазвонил другой телефон – сотовый, брошенный перед сном под диван. Никита нехотя, даже с опаской, словно прибор мог взорваться в руке, осторожно взял его, посмотрел на светившийся номер и обреченно обнаружил, что это именно тот, которого он и боялся и совершенно не хотел слышать. Однако здесь схитрить уже не получится: Коршун поймет, что Никита уваливает от разговора с ним, решит, что он прячется, и нагрянет сюда. А это еще хуже. Даже если сейчас покинуть квартиру, это ничего не даст, потому что Коршун все равно найдет его рано или поздно, к тому же и идти Никите было некуда.

Пришлось ответить.

– Да, – проговорил он, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал спокойно и непринужденно. Выходило плохо.

– Никитос? – насмешливо спросил Коршун. – Чего перекрываешься, родной?

– Я не перекрываюсь, – возразил Никита, чувствуя, как голос предательски дрожит, переходя в конце фразы на фальцет.

– Или зазнался, слышать не желаешь? – издевательски продолжал Коршун. – Это ты зря, Никитос. Мы с тобой вроде друзья, я тебе доверял... даже более чем. Разве не так?

– Так, – не стал возражать Никита. Он понимал, что с Коршуном в сложившейся ситуации лучше не спорить, иначе выйдет себе дороже, и предпочел соглашаться со всем, что будет говорить ему собеседник.

– Ну вот, – удовлетворенно проговорил тот. – А друзья всегда друг друга понимать должны, верно?

– Верно, – завязнув в игре, правила которой сам же придумал, подтвердил Маринов.

– И не только с полуслова, а с полувзгляда, верно?

На этот раз Никита решил промолчать, тем самым демонстрируя согласие.

– Думаю, ты отлично понимаешь меня, Никитос. Свой интерес я тебе при прошлой встрече изложил, и ты мне ответ должен был дать еще три дня назад, верно? А ты решил кинуть друга! Разве это по-товарищески? – укорил его Коршун.

– Я не смог три дня назад, – оправдываясь, торопливо заговорил Никита, перестав тупо поддакивать. – Понимаешь, Коршун, тут такие проблемы навалились, у меня мать в больницу положили, приходилось туда-сюда мотаться, потом еще работу срочно пришлось делать, да добавок...

– Слушай сюда, Никитушка! – жестко произнес Коршун, прерывая оправдания Никиты. – Жду тебя сегодня в шесть в «Якорьке» для окончательного разговора. Базар будет конкретным, так что настройся заранее. И запомни, выбора у тебя нет. Ответ может быть только один, в противном случае – сам знаешь. Любой разумный человек на твоем месте выберет единственно правильный вариант. Ну а теперь покедова, Никитка! Взываю к твоему разуму!

Телефон пискнул и умолк. Но еще с полминуты Никита сидел, словно прилипнув к дивану и глядя перед собой невидящим взглядом.

Да, выбора у него нет. Коршун все изложил четко, да Никита и сам это понимал. Он догадывался, о каком варианте тот толкует. Точно не знал, но самую суть понимал: дело крайне неприятное. Коршун был человеком довольно мутным, и Никита до конца так толком и не знал, чем он занимается, но подозревал, что ничего хорошего Никите не предложит. И тот вариант, что он придумал, – дело наверняка поганое. Но, по мнению Коршуна, оно лучше ситуации, в которой Никита находится сейчас.

Он хмуро посмотрел на часы. Половина третьего. До встречи с Коршуном оставалось чуть больше трех часов.

«Черт меня дернул с ним связаться! – с тоской подумал Никита. – Сунул голову в петлю. Ой, дурак!» «А может, не ходить?» – закралась следующая мысль, которую он тут же откинул за ненужностью, понимая, что это все равно что отказ. А в случае отказа... Страшно даже подумать, что Коршун может с ним сделать. Про него такие слухи ходили, что у Никиты сразу холодок возникал между лопаток.

Эх, а как весело и здорово все начиналось! Коршун сам подсел к Никите в баре, беседу завел, дружескую. Спрашивал, чем Никита живет, чего ждет от жизни, с кем общается... Угостил пивом – хорошим, шведским. Никита с удовольствием пил, словоохотливо рассказывал, без всякой задней мысли. Ему льстило, что к нему проявляет интерес человек не только старше его, а к тому же пользующийся авторитетом в тех кругах, в которые волею судьбы занесло Никиту. А впрочем, он сам поспособствовал тому, чтобы туда попасть.

Никита постепенно млел от пива и оказанного ему Коршуном доверия, рассказывал многое, порой приукрашивая действительность. Это позже он понял, что большее из того, что он выболтал, не следовало говорить. Ни Коршуну, ни вообще постороннему человеку. Но в тот момент считал по-другому. Постепенно хмелея, он чувствовал себя очень крутым от осознания, что Коршун выбрал его в собеседники, запросто беседует с ним уже второй час и проявляет явный интерес.

Когда на следующий день легкое опьянение и первоначальная эйфория несколько спали, ситуация представилась Никите уже не такой красочной. Он решил махнуть рукой и забыть все, что было сказано, но оказалось, что Коршун не забыл Никиту. Он сам ему позвонил, вежливо поинтересовался, как идут дела, и предложил встретиться вечером. Ситуация повторилась. Никита потягивал халявное пиво на пару с Коршуном и чувствовал себя героем.

А Коршун явно льнул к нему, стремился сблизиться, сам искал дружбы. И от этого во взгляде Никиты появлялась снисходительность, в походке – небрежная вальяжность, а в манере разговора – самоуверенность. Он искренне полагал тогда, что Коршун завел с ним настоящую дружбу. Таково уж свойство человеческой натуры – всегда верить в то, что приятнее. Особенно если тебе всего двадцать лет, ты рос без отца, никогда не пользовался популярностью в обществе – ни в школе, ни во дворе, и вообще мало кому был нужен. Внимание Коршуна одновременно и казалось ему не совсем естественным, и в то же время он не мог ему противостоять, не хотел лишаться.

А незадолго до этого он познакомился с Даной. И это тоже показалось ему знамением свыше, доказательством того, что жизнь меняется к лучшему, и все благодаря ему самому, его правильной линии поведения. В самом деле, раньше он и помыслить не мог, что на него обратит внимание такая яркая, успешная девушка, к тому же дочь столь влиятельного человека. У Никиты раньше и романов-то настоящих не было, так, глупость всякая. После выпускного вечера, накачавшись шампанским, целовался на скамейке в местном парке с Наташкой Лапиновой, даже пытался добиться большего, да и она явно была не против. Но природная робость, отсутствие опыта и выпитое спиртное так и не дали довести дело, что называется, до конца. Впоследствии он поначалу немного жалел об этом, а потом решил, что оно и к лучшему, тем более что с Наташкой они с тех пор ни разу не виделись.

Потом были какие-то скоротечные романы, которые даже трудно назвать этим словом. Девушки, в основном постарше, некоторые с ребенком, не слишком привлекательные, поскольку Никита, страдавший несколько заниженной самооценкой, даже не пытался искать кого-нибудь получше.

А знакомство с Даной словно все в нем перевернуло. Эта девушка, несмотря на довольно высокое социальное положение, вела себя очень естественно и непринужденно. Он не слишком задумывался над их будущим. Оно выглядело туманным и малоперспективным, так как в глубине души Никита понимал, что ему будет трудно стать достойной кандидатурой на роль жениха. Даже если он расшибется в лепешку, родители Даны все равно не станут воспринимать его всерьез. И все-таки в его сердце жила уверенность, что они будут вместе. Ему было хорошо с Даной и не хотелось думать ни о чем плохом.

Много позже он понял, что Коршун не зря его выпытывал, будто невзначай прощупывал все потайные места, чтобы потом использовать в собственных интересах.

Никита лег на диван, подложив под голову подушку, и задумался. Мысли были невеселыми, однако под них он не заметил, как задремал. А когда открыл глаза, на часах было уже без десяти шесть. Нужно вставать и собираться, чтобы к семи успеть в «Якорек». Опаздывать на встречу с Коршуном совершенно не хотелось.

Он достал из-под дивана свой сотовый. Пропущенных вызовов не было, и это почему-то немного его успокоило, хотя совершенно ничего не меняло. Тяжело вздохнув, Никита поплелся одеваться...

В «Якорек» он прибыл без пяти семь, Коршун уже сидел за одним из столиков, лениво потягивая свое излюбленное пиво. Увидев Никиту, приветливо улыбнулся, однако от того не ускользнул мелькнувший во взгляде Коршуна охотничий блеск. Да и вообще, их дальнейшее общение разительно отличалось от того, к которому Коршун приучил Никиту за первоначальный период общения.

Он небрежным жестом пригласил присесть, пива не предложил, разговоров о погоде-здоровье не вел и вообще не ходил вокруг да около, а конкретно изложил положение Никиты на сегодняшний день, причем в его устах оно прозвучало еще более зловеще, чем осознавал сам Никита. А дальше разговор пошел, собственно, о том, как из этого положения выпутаться. И вот тут Никита ясно понял, что все, чего он боялся до нынешнего момента, было просто цветочками по сравнению с тем, каких ягодок предложил ему отведать Коршун. Даже не предложил, а жестко поставил Никиту перед фактом, не оставляя ему на раздумья ни времени, ни возможности. Беседа была короткой. Коршун бросал фразы, каждая из которых тяжелым молотом отдавалась в голове Никиты. Из «Якорька» он вышел в таком состоянии, словно его пришибли пыльным мешком.

Приехав домой, Никита сразу лег на диван, обхватив голову руками и пытаясь унять пульсирующую в ней боль. Боль эта не давала даже подумать, и он, не выдержав этой пытки, прошлепал все-таки на кухню, достал из шкафчика коробку, в которой мать хранила разные лекарства, отыскал упаковку обезболивающего и выпил сразу две таблетки, запив водой прямо

из-под крана. После этого вернулся на диван, ставший за последнее время почти постоянным местом его пребывания.

Постепенно голова немного успокоилась, но состояния Никиты это не слишком улучшило. То, что задумал Коршун, было просто ужасно. Чудовищно, по его меркам. Он, заранее понимая, что предложение Коршуна не предвидится радужным, ожидать подобного все же не мог. Хотя, поразмыслив, пришел к выводу, что это было самым логичным. Не зря же Коршун так интересовался его отношениями с Даной! И не просто интересовался, а всячески поддерживал их, давал «добрые» советы и щедро снабжал деньгами.

«Вот он, час расплаты, – усмехнулся Никита. – Только слишком дорогую цену придется заплатить. И главное, сам виноват!»

Он упорно продолжал размышлять, хотя казалось, что все и так ясно. Отказаться от предложения Коршуна означало фактически подписать себе смертный приговор. А согласиться – значит предать Дану. Даже не предать, а хуже. Мало того, что ее придется потерять навсегда, безвозвратно, так еще и самому грозит такой риск, на который он сроду бы не решился ни за какие деньги.

Ни на какой другой вариант Коршун не был согласен. Говорил так, словно это дело решенное. Он уже продумал все подробности и методично изложил их Никите в «Якорьке». Причем самому Коршуну казалось, что дело пустяковое, а Никита не решился ему намекнуть, что, мол, если так просто – иди и выполняй сам. Не мог он так сказать еще и потому, что сути оно не меняло: это был удар в спину Даны, и неважно, кем он будет нанесен, им или Коршуном. Она все равно под него попадет!

Никита в волнении вскочил с дивана. Господи, да что же он, совсем, что ли, потерял остатки разума и воли? Ведь ясно же, ясно, что нельзя соглашаться на предложение Коршуна, ни в коем случае нельзя! Пусть он у него на крючке, но, пойдя на его условия, он просто затянет петлю на шею! Конечно же, Коршун врет, что после совершенного Никита будет свободен! Разве можно доверять этому человеку? К тому же, когда он выполнит то, что задумал Коршун, ему вообще некуда будет деваться – они будут повязаны насмерть. Нет, этого нельзя допустить!

«А может, свалить?» – возникла соблазнительная мысль.

Никита заметался по комнате. Так, собрать самое необходимое, паспорт, наверное, в первую очередь. Или наоборот, не брать, чтобы не нашли? Хорошо еще, что матери нет дома, – ее, правда, не положили ни в какую больницу, она просто уехала в деревню к родственникам, а то бы вообще невозможно было сосредоточиться. Уж мать-то сразу бы поняла, что с сыном происходит что-то неладное, и не отстала бы от Никиты.

«Мать, Дана – как им все объяснишь? Как? Ну, допустим, Дана ладно, пусть считает его кем угодно, главное, что он не совершит по отношению к ней предательства. Не совершит? Каким же образом? Если сейчас свалить, Коршун сделает задуманное чьими-то еще руками! Он ни за что не отступится! Да и самому не ускользнуть. Как? В больницу лечь? Под машину попасть? Глупо! Коршуна на это не купишь, да и вообще, ничего от этого не изменится! Нет, нужно придумать что-то другое!»

Никита бессильно опустился на диван, уронив на пол пакет, в который успел в беспорядке попихать какие-то вещи. Выкатилась расческа, пара носков. Господи, какая ерунда!

Он встал и подошел к окну. Там продолжалась жизнь – обычная, привычная, в чем-то скучная. Люди куда-то шли по своим делам, кто в магазин, кто возвращался с работы домой, кто-то гулял с собакой. Сосед из третьего подъезда поливал из шланга свою машину. Обычная жизнь, серая, как казалось раньше Никите, от которой так хотелось убежать! А сейчас подобное размеренное существование виделось ему недостижимым счастьем.

Как хорошо было бы жить вот так же, ходить каждый день на работу, получать среднюю зарплату и не иметь этих мучительных проблем! Не нужно никаких эксцессов, красивой жизни, огромных денег – не надо ничего! Лишь бы никогда больше не видеть Коршуна, не слышать

о нем! Да вообще никогда не знать! Попался, как мышь в мышеловку, клюнул на бесплатный сыр!

Услышав, как зазвонил сотовый, Никита дернулся, но остановился на полпути. В душе волной поднялась злоба. Он был уверен, что это Коршун. Ему захотелось схватить телефон и с размаху швырнуть его о стену, разбить вместе с сим-картой, чтобы Коршун больше никогда, никогда его не достал! Но, даже находясь в крайне возбужденном состоянии, он понимал, что этим ничего не решить, не защититься от Коршуна.

Раздосадованный, он все же потянулся к трубке и сразу увидел высвеченное на экране имя Дана. У Никиты екнуло сердце, его охватили противоречивые чувства. С одной стороны, он боялся этого разговора. С другой – понимал, что Дана переживает, поскольку он последние дни вел себя с ней как полный идиот. Он ужасно соскучился по ней, сам хотел услышать ее голос, увидеть, обнять...

Поколебавшись, Никита все-таки ответил на звонок...

Глава первая

Утренняя прохлада приятно освежала лицо, подставленное ветерку в раскрытое окно автомобиля. Заканчивалось лето, последние августовские деньки баловали москвичей своим теплом. Впрочем, скорое наступление осени многих не так уж и огорчало, а некоторых даже радовало, поскольку они еще не успели отойти от недавней июльской жары, от которой порой некуда было скрыться в буквальном смысле слова.

Полковник Гуров посмотрел на встроенный кондиционер в автомобиле и усмехнулся. Сейчас он уже не держал его включенным постоянно, уже даже и подзабыл о том, как спасался с его помощью от затхлого тепла, исходившего практически отовсюду: стен зданий, асфальта, автомобильных сидений с толстым покрытием... А ведь это было совсем недавно! Человеку свойственно быстро забывать о плохом и привыкать к хорошему. Сейчас Гуров катил на работу в полном комфорте: ветерок обдувал салон и без дополнительной техники, а температура воздуха в столице в дневные часы не превышала плюс двадцать четыре, что после сорока казалось просто оазисом.

Остановив машину у Главного управления внутренних дел, где работал уже много лет, Гуров поднялся по ступенькам и прошел к своему кабинету. Он был заперт, посему пришлось лезть в карман за ключом: Stanisław Крячко, его верный друг и коллега, с которым они делили этот кабинет на двоих, еще не соизволил явиться на работу. Впрочем, до начала рабочего дня было еще почти десять минут, Гуров сам пришел несколько раньше только потому, что его сегодня разбудила сработавшая сигнализация соседской машины, которая завывала под окнами еще до полного наступления рассвета. Гуров аж подскочил, по инерции дернулся было к телефонному аппарату, попутно подтягивая стул, на котором лежала кобура с табельным пистолетом внутри. Несколько секунд ушло на то, чтобы полковник сообразил, что тревога ложная, и, проклиная и изобретателя всех сигнализаций в целом, и соседа, выбравшего из всех сигналов самый резкий и назойливый в частности, снова забрался в постель. Но сколько потом ни ворочался, пытаясь вернуть сладкое состояние сна, ему это не удалось, и в половине шестого он отправился в душ, а затем на кухню варить себе кофе.

Крячко появился минуты через три, и по его виду Гуров понял, что Stanisław, в отличие от него, выспался превосходно. Крячко, от природы довольно добродушный и уравновешенный человек, выражавший свое возмущение или недовольство скорее развлечения ради и то недолго, неспешной, даже вальяжной походкой вразвалочку вошел в кабинет. Протянув Гурову руку, улыбнулся, кивнув в сторону окна, из которого струились утренние солнечные лучи, и заговорщицки произнес:

– Погодка-то, а?

– Да, – меланхолично отозвался Гуров.

– А сегодня последний рабочий день недели, – выразительно добавил Крячко.

– Да, – снова согласился Гуров.

– Чего «да»? – покосился на него Stanisław. – Я хочу сказать, что в законные выходные не мешало бы отдохнуть по-человечески!

– Что ты понимаешь под этими словами?

– Ну... – Крячко запнулся, но тут же предложил первый пришедший ему в голову вариант: – На рыбалку, к примеру, махнуть!

– Кажется, ты прекрасно знаешь, что рыбалка – как-то не мое увлечение, – усмехнулся Гуров. – Равно как и сбор грибов. С этим тебе лучше к Петру обратиться, он известный поклонник тихой охоты.

– Да ну его! – отмахнулся Крячко. – С ним на отдыхе со скуки помрешь. Ну, не хочешь на рыбалку, можно в баньке попариться. С пивком холодненьким...

– Замечательная альтернатива! Главное, к погоде имеет самое прямое отношение! – не сдержал улыбки Гуров.

– А что нам до погоды? Можно в любое время года устроить себе прекрасный досуг, – безо всякой логической связи аргументировал Крячко. – Если подойти к этому вопросу с умом, конечно. Ну, ум у нас, слава богу, имеется...

– Спасибо на добром слове, – ввернул Гуров, приложив руки к груди.

– Даже два, – не обращая внимания на его реплику, продолжал Станислав, косясь на друга и давая понять, что под наличием ума он в первую очередь имел в виду собственную персону, а Гурова внес в столь почетный список лишь из уважения к их давней дружбе. – Стало быть, нужно лишь твое согласие, а уж как потратить выходные с пользой, я придумаю!

– Вообще-то, я обещал Марии посетить ее спектакль, – засомневался Гуров.

– Посетишь! – тут же подхватил Крячко. – Насколько я знаю, она не в детском утреннике участвует, все спектакли в ее театре идут вечером. Так что до семи часов мы вполне все успеем.

– Что же я – из бани в театр поеду, что ли? – возмутился Гуров. – С веником под мышкой?

– Ладно, давай перенесем на воскресенье! – ничуть не смущаясь, тут же предложил Станислав.

– Не знаю, подумать надо, – буркнул Гуров, которому, с одной стороны, действительно хотелось расслабиться, тем более что лето заканчивалось, а выбраться в отпуск обоим сыщикам так и не удалось. Такой прерогативы из всего главка удостоился лишь генерал-лейтенант Орлов Петр Николаевич, их непосредственный начальник и старинный друг на протяжении не одного десятка лет.

– Да чего тут думать? – искренне удивился Крячко. – Надо соглашаться, и все дела! В конце концов, было бы желание, а уж как именно отдохнуть, можно придумать и по ходу. Я тебе могу навскидку предложить сразу несколько вариантов. Ну, чего ты вздыхаешь?

– Неизвестно еще, какая погода будет в выходные, – сказал Гуров, чтобы отвязаться от Крячко. Размышлять сейчас о предстоящем отдыхе он считал несвоевременным: через три минуты должна была начаться планерка, да и вообще впереди еще целый рабочий день.

– А какая она еще может быть? – развел руками Станислав. – Такая, как ей и положено! Всю неделю стояла теплынь!

– Ты же знаешь, что, по закону подлости, погода портится именно в выходные!

– Давай проверим! – загорелся Крячко и шагнул к столу. – Включи-ка Интернет!

Гуров, зная, что Крячко теперь не отстанет, послушно подключил соединение. Станислав тут же навис над ним, выдернул из его руки мышь и зашуршал ею по столу. Потом стал набирать в поисковике «прогноз погоды на завтра», при этом тесня Гурова своим грузным телом все дальше и дальше. А так как печатал Станислав одним пальцем, процесс мог затянуться надолго.

– Полегче, ты меня чуть со стула не свалил, – пожаловался Лев Иванович.

– Ну, дай я сяду! – тут же сказал Крячко, бесцеремонно усаживаясь на его стул и принимаясь недовольно ерзать, так как стул был жестким.

Гуров вздохнул и стал поодаль, наблюдая, как шевелятся непослушные толстые пальцы Крячко.

– Вот! – удовлетворенно проговорил Станислав. – Погода ожидается ясная! Что и требовалось доказать! Если, конечно, наши синоптики не врут.

– Так, давай слезай уже с моего места! – прикрикнул на него Гуров.

– Ха! – хлопнул себя по коленке Станислав, делая вид, что возмущен репликой друга. – Между прочим, я имею такое же право пользоваться Интернетом, как и ты! А ты ведешь себя как единоличный пользователь!

Интернет в кабинете Гурова и Крячко был один, при том, что компьютеров было два – на столе у каждого. Причем второй появился здесь не благодаря казенному снабжению: его приволок из дома сам Станислав, после того как его сын начал злоупотреблять видеоиграми и спалил

блок питания. В главке компьютер сначала посоветовали выбросить, в силу устаревшей модификации, но Крячко посмотрел на «умников» столь тяжелым взглядом, что местные умельцы быстренько подлатали машину, сделали апгрейд, насколько это было возможно, и заменили старые детали. Затем Станислав торжественно водрузил компьютер на свой стол, разнеся по всему отделению, что лично обустраивает рабочее место, не надеясь на милость начальства.

Генерал-лейтенант Орлов инициативу Крячко одобрил и даже публично похвалил на планерке, призвав и других оперов следовать его примеру. Однако подключать Интернет к компьютеру Станислава и, соответственно, оплачивать его генерал-лейтенант считал делом разорительным, посему решил, что сыщикам вполне хватит одного Интернета на двоих. При случае он всякий раз упоминал о том, что главк финансируется крайне плохо. И что вообще они должны ему сказать спасибо за то, что он подключил им «безлимитку», хотя вполне мог посадить на более дешевый лимитированный тариф.

– Тогда бы ты, Станислав, постоянно туда не лазил, не смотрел бы без конца турнирную таблицу – где там в ней болтается твой любимый «Спартак»! – говаривал генерал-лейтенант.

– А ты, старый скряга, даже не знаешь, как эту таблицу загрузить! – парировал Крячко, который при каждом удобном случае тыкал Орлову в глаза, что отсутствие постоянного доступа в Интернет мешает его работе и крайне негативно сказывается на ее результатах.

Перепалка эта продолжалась уже давно, и Гуров в душе был согласен с Крячко, что Интернет у каждого должен быть свой. Мало того, что это действительно необходимо в работе, так его еще сильно раздражало, что Крячко в любой момент, когда ему взбрело в голову, подходил к гуровскому компьютеру и, не спрашивая, чем занимается Лев, лез со своими проблемами и в его отсутствие частенько копался в настройках, пытаясь изменить их на свой лад. Так как в компьютерных технологиях Крячко не был особым гением, его самостоятельность приводила к тому, что Гурову потом приходилось тратить кучу времени, чтобы вернуть все обратно. В результате нововведений Крячко постоянно что-то не ладилось: то буквы становились такими крошечными, что их невозможно было разобрать, то куда-то бесследно исчезала привычная панель, то экран вдруг приобретал какой-то фантасмагорический цвет...

Словом, Гурову очень не нравилось, когда без его ведома копаются в его компьютере. Он вообще был по натуре собственником. Но запретить Крячко даже прикасаться к его технике не мог: из-за этого двойного Интернета трудно считать себя его полновластным хозяином. Не раз они обращались к Орлову с этим вопросом, но генерал-лейтенант всегда отвечал уклончиво и просил подождать. И сейчас Гуров невольно наступил Крячко на любимую мозоль, подняв злободневную тему.

– И вообще, сколько будет продолжаться это безобразие? – тут же набылся Станислав. – Почему я должен вечно клянчить у тебя Интернет? Я, полковник главка, опер по особо важным делам! Не могут кабинет обеспечить необходимыми вещами! Позор!

– Ладно, вот сейчас будет планерка, там как раз сможешь высказать начальству свой гнев, – взглянул на часы Гуров и, направляясь к двери, добавил: – Только если ты на нее опоздаешь, его выразит начальство!

– А-а-а! – махнул рукой Крячко, которого чем-чем, а орловским гневом было не запугать.

Он двинулся следом, размахивая на ходу руками и продолжая бубнить что-то себе под нос. Гурову удалось-таки испортить его прекрасное с утра настроение, хотя Лев совершенно этого не желал.

Зато генерал-лейтенант Орлов выглядел весьма благодушным, даже планерку провел в облегченном режиме, никого не распекал и доклады оперативников выслушал без замечаний. Уже собираясь всех распустить, он вдруг многозначительно, с какой-то странноватой улыбкой произнес:

– Гуров и Крячко, попрошу задержаться. Ненадолго.

Когда они остались вдвоем, Крячко покосился на своего шефа и с подозрением спросил:

– Что это ты сияешь, как медный таз?

Орлов укоризненно покачал головой и со вздохом обратился к Гурову:

– Лева, как ты только работаешь с таким грубым человеком?

– Сам удивляюсь, Петр, – ответил Гуров. – Мне нужно надбавку к зарплате просить. За вредность. И год за два зачислять.

– А мне за три! – не остался в долгу Крячко. – А к надбавке еще и молоко, потому что я весь пропитан страшной отравой – гуровским ядом!

– Запросы у вас, я смотрю, не слабые, – заметил Орлов.

– А что толку? – хмыкнул Крячко. – Все равно никто не компенсирует! Про Интернет я сколько времени вам твержу, Петр Николаевич? А результата никакого! Мне надоело постоянно у Гурова побираться. К тому же стул у него жесткий, от него у меня уже мозоль на заднице скоро вскочит!

– Вот как раз насчет этого я вас и позвал! – с какой-то торжественностью в голосе произнес Орлов, отчего распалившийся было Крячко осекся на полуслове.

– У тебя есть средство от мозолей на заднице? – съязвил Гуров.

Орлов издевательскую реплику своего любимца проигнорировал и, выдержав паузу, довольно проговорил таинственным голосом:

– Думаю, что многие ваши просьбы могут быть решены в самое ближайшее время! У нас появился спонсор. Так что можете высказывать пожелания.

– Я могу даже список написать! – с готовностью вскочил с места Крячко, демонстрируя, что готов мчаться в кабинет строчить список самых важных нужд.

– Сядь! – остановил его Орлов и погрозил пальцем: – Никаких списков! А то знаю я вас! Вы сейчас начнете кричать, что вам положен не только Интернет, но и мягкая мебель, и бассейн в кабинет плюс личная секретарша каждому!

– Неплохо! – мечтательно произнес Крячко. – И чтобы еще массаж умела делать!

– Вот придешь после такой работы домой, тебе жена массаж сделает. Скалкой, – пригрозил Орлов, отлично осведомленный о крутом характере супруги Станислава.

– Подождите, а кто у нас спонсор-то? – вмешался Гуров, которого интересовала суть вопроса, а не хождения вокруг да около. – Кто обратил внимание на наше доблестное, но явно забытое богом заведение?

– Амосов Николай Николаевич. Слышали такое имя?

Крячко скривился и посмотрел на Гурова. Тот лишь пожал плечами, давая понять, что впервые слышит эту фамилию.

– Эх, не знаете вы героев своего времени! – со вздохом посетовал Орлов.

– Точно! – фыркнул Крячко. – Герои! Небось какой-нибудь бывший бандит, нахавший в свое время денег с помощью рэкеты и торговли наркотой, а теперь выбившийся в крупные предприниматели, решил продемонстрировать, какой он хороший! Типичное отмывание денег!

– Так, Крячко, если тебе не нравится – можешь отказаться из принципиальных убеждений! – с притворной строгостью сказал генерал-лейтенант.

– Да я что, я молчу! – мгновенно пошел на попятную Станислав. – Просто хотелось полюбопытствовать, кто этот хороший человек, за кого мне теперь свечи в церкви ставить?

– Ох, уж не юродствовал бы! Когда это ты в церковь-то ходил последний раз? – с легким ехидством перебил его Орлов.

Крячко собирался было что-то ответить, но Гуров, зная, что трепаться и хохмить Станислав может до вечера, опередив его, спросил:

– Так кто он вообще такой, этот Амосов?

– Довольно разносторонний человек, занимается разноплановым бизнесом, имеет несколько фирм, – принялся перечислять Орлов. – У него фирма, торгующая цветными метал-

лами. А главное, он возглавляет благотворительный фонд «Надежда» и старается помогать наиболее нуждающимся организациям и частным лицам. Например, снабжает деньгами больных детей, которым требуется дорогостоящее лечение.

– Где ты откопал-то такое сокровище? – удивился Лев.

– Места нужно знать, – хитро прищурился генерал-лейтенант. – Но дело не в этом, а человек он и в самом деле хороший, вот и решил нам помочь.

– Петр, я восхищаюсь твоей способностью вызывать симпатию в людях! – присвистнул Гуров. – Раскрутить такого человека на спонсорскую помощь – это нужно талант иметь!

– А то, – довольно потирая руки, ответил Орлов. – Не цените вы своего начальника!

– Петр, мы ценим, ценим, – сложив руки лодочкой, закивал Крячко. – У меня даже первое практическое предложение в связи с грядущими финансовыми вливаниями: повесить в вестибюле нашего здания твой портрет! В золоченой раме!

– Тогда больше ни на что другое не останется, – благоразумно заметил Орлов.

– Что, так мало денег дает? – разочарованно протянул Крячко.

– Достаточно, – отрезал генерал. – А ты что хотел, каждому сотруднику – личный автомобиль?

– Вообще-то было бы неплохо, – согласился Крячко, – но лично я ограничился бы сплит-системой, современным мощным компьютером с Интернетом и новыми унитазами! А то в наш туалет зайти страшно. Позор главка! Хоть горшок с собой из дома приноси!

– Насчет унитазов ничего сказать не могу, – осторожно покачал головой Орлов, – а Интернет тебе будет.

– И сплит-система? – тут же уточнил Крячко.

– Подумаем, – уклончиво ответил Орлов.

– Не бойсь, Станислав! – насмешливо бросил Гуров. – Разве ты не знаешь, что спонсорская помощь обычно делается напоказ? Так что, думаю, что как раз насчет унитазов можно не волноваться, их и заменят в первую очередь! Поскольку туалет – место общественное. А вот твой Интернет и сплит-систему в твоём кабинете никто не оценит, так что придется тебе потерпеть.

– Я и так всю жизнь терплю, – вздохнул Крячко.

– Не грусти, – похлопал его по плечу Гуров и перевел взгляд на Орлова: – Это все, что ты хотел нам сказать?

– А что, мало?

– Сложно сказать, поскольку пока одни слова. К тому же никакой конкретики. Вот когда этот Амосов реально что-то сделает, тогда видно будет. А пока мы пойдем. Работать.

Судя по виду Крячко, он с удовольствием посидел бы еще в кабинете Орлова, но Гуров уже тянул его за рукав. Пришлось подняться и следовать за ним. Однако у дверей Станислав все же не утерпел и обернулся:

– Имей в виду – первый компьютер мой! – предупредил он Орлова и вышел в коридор.

Дана сидела в своей комнате на подоконнике раскрытого настежь окна и бесцельно смотрела вдаль. Настроение у нее сегодня было задумчивым и даже меланхоличным. Впрочем, в последнее время ее можно было часто застать в таком состоянии. Дана и сама до конца не могла сказать, что являлось тому причиной, чувствовала только, что в ее привычной жизни, продолжавшейся двадцать три года, наступают серьезные изменения. Да и в ней самой, Дане. Например, она ощущала, что у нее вдруг появилось безразличие к тому, что было интересно еще совсем недавно – к учебе, работе, друзьям...

А ведь она сама просила отца ее трудоустроить еще до того, как закончила институт. Отец не отказал, хотя и был несколько удивлен такой просьбой. Но в конце концов одобрил и взял Дану к себе в одну из фирм. Пока что помощником главного бухгалтера, но Дана и

этому была рада. Она обладала весьма деятельной натурой, и ей не нравилось сидеть дома и мучиться от скуки, а хотелось все свободное время проводить с пользой. Такой она родилась, никто специально не вырабатывал в ней этих черт. Сколько Дана себя помнила, никто особо не напирал на то, что она должна сама прокладывать себе дорогу в жизни.

В семье всегда царил хороший достаток, по крайней мере, Дане хватало того обеспечения, что выделял отец. Было ощущение стабильности и покоя, финансового благополучия, и Дана чувствовала, что вряд ли когда-нибудь положение сильно пошатнется. Тем не менее она стремилась учиться и работать. Не для того чтобы в поте лица зарабатывать хлеб насущный, а потому что ей было интересно. Ей так хотелось.

Институт, правда, закончила не с красным дипломом, но не по причине нехватки способностей, а опять же из-за отсутствия стимула. То есть то, что было интересно, схватывалось на лету, повторялось и изучалось дома, сдавалось на «отлично» и надолго оставалось в голове. То, что интереса не вызывало, – лишь наспех прочитывалось, кое-как запоминалось и забывалось сразу же после экзамена. В памяти сохранялось лишь то, что действительно было полезно и могло пригодиться Дане в дальнейшей практической жизни.

На работе в фирме отца все сразу пошло на удивление быстро и гладко. Собственно, удивляло это только опытных сотрудников и отца, сама же Дана была уверена, что все будет в порядке. Отец, видя не мнимые, а самые что ни на есть реальные успехи дочери, стал поглядывать на нее так, словно совершил некое открытие. Он вдруг понял, что, пропадая на работе с утра до вечера, уделял дочери совсем мало внимания и многое в ней прошло мимо него. А Дана, оказывается, давно уже выросла и являет собой вполне сложившуюся самостоятельную личность. Не совсем такую, какой он себе ее представлял. Во взгляде отца, его интонациях и жестах Дана стала замечать уважение и чувствовала гордость.

Она говорила себе, что докажет, на что способна. Кому именно докажет, она и сама толком не знала, поскольку никто не требовал от нее никаких доказательств. Но не потому, что принимали и любили и без демонстрации успехов. Ее просто не замечали, во всяком случае, так ей казалось. Отец с головой был погружен в бизнес и считал, что заниматься воспитанием дочери – обязанность матери, а он обеспечивает их обеих – это его функция. Мать поступила проще и, как она считала, прогрессивнее: наняла няню и педагогов еще до того, как Дана пошла в школу. В детский сад ее, разумеется, не отдавали, и она постигала основы знаний дома. Возможно, что-то положительное в этом и было, поскольку впоследствии учеба и впрямь давалась ей легко. Более того, Дана поняла, что ей нравится учиться.

Окончив институт, Дана не удовлетворилась этим и пошла на юридические курсы, планируя получить еще и второе высшее образование. Нехватку родительского внимания она компенсировала похвалой и оценками преподавателей. Она словно хотела переплюнуть саму себя, постоянно загружаясь новыми увлечениями. Коньки, плавание, танец живота – все перепробовала. Как она сама говорила, ее угнетает сидение дома без дела. Мать недоуменно пожимала плечами: «Так и в гроб себя вогнать можно!»

Вот кто совершенно не тяготился своим праздным существованием, так это мама! Она, в общем, тоже находила себе занятия, только они не были столь активными, как у дочери. Салоны красоты, массажные кабинеты, пляжный отдых, кафе, а после – домой, в ванную с ароматическими маслами... Вот такой досуг был по-настоящему комфортным для матери, так она чувствовала себя удовлетворенной. Например, она обожала просто сидеть в шезлонге, вытянув стройные ноги солнцу. Или лежать, загорая, на траве, расстелив на ней удобный матрас. Справа – журнал, на случай, если станет совсем скучно, слева – тарелка с ягодами, сверху – солнышко, а если станет слишком припекать, то есть шляпа с широкими полями. Мать любила спокойствие, а Дане нужна была бурная деятельность. Обе давно к этому привыкли и не пытались переделать друг друга.

И вот теперь, когда так многое уже сделано, Дана вдруг захандрила. Не то чтобы она забросила работу или свои увлечения, нет, просто все чаще и чаще домочадцы видели ее притихшей, молчаливой и о чем-то сосредоточенно размышляющей.

Вот и теперь, сидя на подоконнике, Дана смотрела на раскинувшийся двор и думала.

Приоткрылась дверь, и Дана, нехотя повернув голову, увидела мать. Она стояла на пороге, одетая в купальный костюм, с перекинутым вокруг бедер ярко-бирюзовым парео. Неизменная широкополая шляпа в левой руке, на ногах сандалии... Мать наверняка приготовилась к своему ежедневному ритуалу – лежать на зеленой лужайке за домом, подставляя тело последним солнечным лучам.

Сегодня был выходной, и отец по традиции еще вчера вечером отправил их с матерью в загородный дом на отдых. Сам он должен был приехать сегодня вечером и остаться до завтра. К концу воскресенья всей семьей обычно возвращались домой, а в понедельник Дана с отцом отправлялись по делам. Впрочем, мать могла оставаться за городом, что она себе порой и позволяла, так как у нее никаких дел в столице не было.

– Господи, Дана, ты опять сидишь на подоконнике! – воскликнула она. – Так же и свалиться недолго!

– Здесь невысоко, – усмехнулась девушка.

– Ты ужинать будешь? Галина Павловна тебя звала, специально со стола не убирает. Я уже поела.

– Мама, ты же знаешь, у меня скоро пробежка, я не могу наесться перед ней.

– Ах, да! У тебя же еще и пробежка! Господи, не понимаю, зачем она тебе нужна?

– Ты и не поймешь, мама, – слабо улыбнулась Дана. – А мне нравится.

– Да бегай, пожалуйста, – пожала плечами мать. – Сколько ты будешь круги нарезать?

– Полчаса, как обычно. Совсем немного.

– Я давно хотела тебе сказать. Ты бегаешь в лесу, людей там почти нет, к тому же вечером. Это опасно! Вдруг что-нибудь случится?

– Ты это уже говорила, – махнула рукой Дана. – Но я не понимаю твоих опасений. Что может случиться?

– Да мало ли что! – Мать не смогла ничего конкретизировать и лишь вздохнула. – Хотя бы в выходные можно обойтись без этих пробежек? В понедельник пойдешь на стадион!

– Пойду, – согласилась Дана. – И на пробежку сегодня пойду!

– Ладно. – Поняв, что спорить бесполезно, мать поправила солнцезащитные очки и сказала: – Значит, я за домом, если понадобится.

– Не волнуйся, не понадобится. Отдыхай спокойно, – и Дана снова отвернулась к окну, погрузившись в свои мысли.

Она думала о событиях двухмесячной давности, вспоминала их и пыталась понять, как отразились они на ее теперешней жизни. Казалось бы, ничего не изменилось, по крайней мере внешне. А вот внутри все было по-другому, но знала об этом только Дана. Ну, и еще Никита, и то не до конца...

Вспомнив о Никите, Дана встрепенулась. То, что происходило с ним в последнее время, заставляло ее нервничать. Ей казалось, что он что-то скрывает от нее, хотя раньше ничего подобного не наблюдалось. Они во всем доверяли друг другу, делились всем. Так повелось с самого первого дня знакомства. Дана задумалась. Собственно, с этого самого дня прошло-то чуть более трех месяцев, и ей казалось, что они с Никитой знакомы чуть ли не всю жизнь!

Она прекрасно помнила тот день, точнее, вечер конца мая, когда вокруг все начинает цвести, воздух наполнен ароматами сирени, акации, и такое ощущение, словно его опрыскали изысканными духами с запахом, который не создаст даже самый искусный парфюмер.

Была точно так же, как и сегодня, суббота, но Дана не поехала за город в Привольное, а отправилась в клуб вместе с подругой Оксаной. Как же она потом благодарила судьбу за то,

что поддалась на ее уговоры и отказалась ехать на дачу! Иначе могла никогда не встретить Никиту...

Нет, он не показался ей суперменом, героем или тем, кого мечтает встретить девушка ее возраста, независимо от социального положения. Он не был похож на принца, и у него не было не только белого коня, но и мало-мальски приличного автомобиля. Да и не предвиделось. Но это не волновало Дану. Она была уверена, что и автомобиль, и коня, и даже карету сможет купить себе сама, и даже без отцовской помощи. У Никиты оказалось куда большее, по ее меркам, достоинство: он умел слушать и проявлял к Данае искренний интерес, в этом Дана была уверена, потому что он не знал, кем она является на самом деле. Не знал, что ее отец – владелец нескольких магазинов и глава благотворительного фонда. В клуб она приехала в повседневной одежде, в какой ходила на работу, и так и сказала ему, когда он осмелился задать ей какой-то незначительный вопрос:

– Я только что с работы. Устала и хочу есть. Будешь со мной?

Спросила так просто, и естественно, что он так же легко согласился. Ему вообще с ней было легко, и даже тогда, когда он узнал, чья она дочь, в их отношениях ничего не изменилось.

Весь вечер они просидели за столиком и проговорили, кажется, обо всем на свете. Дана видела, что Никита, по обывательским меркам, ей «не пара», что ее родители если и не выступили бы категорически против их отношений, то явно воздержались бы от восторгов в его адрес, но все равно упрямо тянулась к Никите и даже пригласила после кафе поехать к ней домой, радуясь в душе, что родителей нет, и чувствуя себя школьницей, собирающейся прогулять уроки.

Она знала, в какой ужас пришли бы родные, узнав, что дочь привела в их дом парня, с которым была знакома несколько часов. Еще больше были бы потрясены, узнав, что она провела с ним ночь. Дана и сама поражалась себе. Всегда считала себя серьезной и разумной, а тут поступила так опрометчиво! Если бы ей об этом сказали несколько дней назад, она бы не поверила. И тем не менее девушка ни о чем не жалела.

Любовником Никита оказался неискушенным, но и это ей в нем понравилось. Нравилось его смущение, стеснение и опасение ее разочаровать. Мужчины, с которыми ей доводилось общаться за годы юности, отличались крайней самоуверенностью. Но даже не это отталкивало от них Дану, а их самолюбование. Никто не думал о Данае как таковой, каждый стремился лишь понравиться ей, произвести впечатление, заставить восхищаться, не особо заморачиваясь тем, что чувствует она сама. Дана, которая и так в глубине души страдала от недостатка внимания и любви, моментально закрывалась. С Никитой же все было иначе.

Конечно, со временем родители узнали об их отношениях. Скандала, к счастью, не произошло. Мать все пыталась узнать, с кем Никита живет и с кем дружит, намекая на то, что его компания может оказаться сомнительной. Дана видела, как та после посещения Никиты проверяет, все ли на месте, а перед его приходом прячет особо ценные вещи и наличность. От этого становилось противно, и она стала назначать встречи на нейтральной территории. Отец в своих оценках был сдержан, пробормотал что-то типа «время все покажет и расставит» и сразу же отправился в свой кабинет, сославшись на то, что у него много работы.

Раньше Дана обиделась бы, расстроилась из-за такого отношения, но сейчас была даже рада. По крайней мере, родители не станут докучать ей и не будут мешать жить так, как она хочет.

Мать с отцом, видимо, между собой решили, что Данае вскоре самой надоест Никита и она легко с ним расстанется. Однако время шло, а их отношения становились все крепче и доверительнее. Летние дни пролетали быстро, и вот уже замаячила на горизонте осень. Летом Дана нечасто ездила на выходные за город, предпочитая проводить время с Никитой. Последние недели были исключением, и связано это было как раз с тем, что у Никиты начались какие-то «непонятки»...

Странности Дана заметила еще в середине августа, когда Никита вдруг стал каким-то нервным, замкнутым, чего не было раньше. Попыталась расспросить – он уклонился от прямых ответов, сославшись на плохое самочувствие, загруженность... Работа у него и впрямь не из лучших. В промоутеры обычно идут те, кто еще не успел получить образование, либо те, кому его получать уже поздно. А посему приходилось стоять на улице по несколько часов в день, вручая прохожим приглашения посетить магазин. Сейчас еще ничего, потому что лето, а осенью или зимой совсем худо. Дождь, мороз, ветер – ничто не освобождает от работы, не является уважительной причиной. Собственно, можно, конечно, не выходить, но тогда ничего и не заплатят. В общем, куда ни кинь – всюду клин.

Дана неоднократно предлагала поговорить с отцом, чтобы тот взял Никиту к себе, в одну из фирм, но Никита категорически отказывался, считая такое положение унижительным.

– Но ты же не можешь постоянно работать промоутером! – убеждала его девушка. – Если хочешь чего-то достичь, нужно учиться!

– А я и буду учиться, – отвечал он. – Но только не на деньги твоего отца. Извини.

И при редких теперь встречах Никита смотрел на нее как-то виновато, да и от самих встреч пытался уклониться. Дана ломала голову, размышляя, что могло стать причиной таких перемен с его стороны, и пришла к выводу, что все дело в той самой тайне, которую она не так давно доверила Никите. По времени все совпадало. Но вот только... Почему он ведет себя таким образом? Он понял, что с Даной что-то не так? Или проболтался кому-то об этом, а теперь чувствует себя виноватым, предателем? Или... У Даны все куда-то ухнуло от этой мысли. Он, может быть, просто потерял то, что она доверила ему?

Она слезла с подоконника и принялась ходить по комнате. Если так, то, конечно, он будет нервничать, потому что рано или поздно ответ держать придется. И он это отлично понимает и просто оттягивает неприятный момент. Но как же он мог так поступить? Или это произошло случайно? Ведь Дана предупредила его, что это очень важно!

Нет, так больше продолжаться не может. Она должна расставить все точки, выяснить все как можно скорее, иначе это приведет к плачевным последствиям, не говоря уже о разрыве их отношений.

Дана порывисто прошла к своему столу, взяла сотовый телефон и набрала номер Никиты. Он не отвечал, но она упорно набирала номер вновь и вновь. Наконец послышался тихий голос Никиты:

– Да...

– Привет. – Дана хотела, чтобы голос прозвучал по-деловому, однако не вышло.

В ее интонациях явственно проступали и тревога, и нежность, и облегчение от того, что Никита наконец ответил – словом, отразились все эмоции, которые она переживала за последнее время. Разумеется, Никита это почувствовал, понял, что Дана волновалась и скучала по нему. Быстро пронеслась мысль о том, что еще совсем недавно она и не подумала бы скрывать от него это... Как какая-то мелочь может все изменить!

– Никита, нам необходимо встретиться, – продолжала Дана, взяв себя в руки и стараясь говорить сдержанно и твердо. – Нет, не в удобное время, – решительно перебила она его, – а сегодня! Да, сегодня. Нет, я за городом, но ты можешь подъехать сюда. Я скоро отправляюсь на пробежку, так что встретимся в лесу, примерно через сорок минут. Я как раз закончу тренировку. И вот еще что. Захвати, пожалуйста, то, что я дала тебе тогда дома. Ты понимаешь, о чем речь. Нет, никаких возражений! – Дана повысила голос, сама не ожидая от себя подобной жесткости. – Я жду тебя ровно через сорок минут на тропинке. До встречи.

Она решительно нажала кнопку разъединения связи. Потом, подумав, и вовсе отключила телефон, чтобы Никита не мог перезвонить и отказаться от встречи. Но Дана была уверена, что он придет. Обязательно. Разговор с Никитой придаст ей уверенности, по крайней мере,

после него появится определенность, а это уже облегчение. Сколько еще можно жить с этой неясностью?

Дана подошла к гардеробу у стены и принялась одеваться. Вечерняя и утренняя пробежки были для нее обязательны. Она сама придумала себя это занятие, никто не заставлял. Как-то взглянув на себя в зеркало, решила, что выглядит несколько крупновато для своих лет, и тут же начала принимать меры. Если решила худеть – значит, физические нагрузки и никакого мучного и сладкого! Всякие чудо-таблетки, чаи, пояса для похудения она с презрением игнорировала, потому что не верила в их действие. Спорт и диета, лучше этого еще пока никто ничего не придумал. Родители иногда даже удивлялись ее силе воли: например, она сама не позволяла себе пропускать пробежку, не делала никаких скидок и поблажек. Если находилась в городе, ходила на стадион, если на даче – бегала по тропинке в лесу. Там было удобно: народу нет, запах свежей листвы, покой и умиротворение, очень здоровая атмосфера, и птички поют, и даже ягоды ежевики растут, Дана их порой рвала на бегу. Насобирает горсточку, бросит в рот – и дальше побежала. Для фигуры только полезно.

Она надела белую футболку с коротким рукавом, мягкие свободные шорты, стянула русые волосы в хвост, на лоб повязала атласную ленту и, спустившись вниз, обулась в кроссовки. Домработница окликнула ее, предложив ужин, но Дана отказалась, сказав, что придет не раньше чем через час.

Выйдя во двор, заглянула за угол и сделала несколько шагов... Мать, как обычно в это время, лежала на лужайке. Широкие поля ее яркой шляпы прикрывали лицо. Дана всегда удивлялась ее привычке: загорать лишь телом, пряча от солнечных лучей лицо. Мать же объясняла это тем, что ультрафиолетовые лучи старят кожу. В конце концов, это было ее личное дело, и Дана предпочитала не спорить по этому незначительному поводу. Сейчас она лишь хотела предупредить мать, что вернется не через полчаса, а немного позже.

– Дана! – Непостижимо, как та заметила ее из-под своей шляпы! К тому же издали! – Ты надолго?

– Пожалуй, я сегодня немного задержусь, – честно ответила девушка, не объясняя причину. Потом чуть подумала и все же добавила: – Хочу побольше побегать.

– Ох, смотри! – зевнула мать, снова укрываясь от солнца, которое уже клонилось к закату, и пробормотала себе под нос: – Делать тебе нечего!

Дана пересекла двор и прошла на дорогу, ведущую к лесу. Показалась знакомая вытоптанная тропинка, по которой она всегда начинала свой маршрут. Сегодня она решила, что тридцати минут будет вполне достаточно, а остальное время можно посвятить разговору с Никитой. Но сейчас лучше не думать об этом. Пусть все пройдет так, как пройдет! В конце концов, если сейчас строить всякие предположения и мысленно вести с Никитой несуществующий диалог, этим можно все только испортить.

Дана ступила на тропинку и сразу же прибавила скорость. Тропинка была очень удобной: она шла ровно, без крутых изгибов, делая широкий полукруг. Добежав до его края, Дана обычно поворачивала обратно. Так она поступила и на этот раз.

Добежав до конца тропинки, которая дальше разветвлялась на две, обе из которых вели к выходу из леса, развернулась и побежала обратно, стараясь дышать ровно и не слишком глубоко. Все-таки не зря она бежит каждый день, результат налицо: поначалу мучилась одышкой, теперь же просто летает, без всяких усилий. Нужно, пожалуй, подумать о том, чтобы увеличить нагрузку...

Так, вон за тем деревом ягодный куст, нужно чуть притормозить и сорвать ежевики. Дана очень нравилась эта дикая, слегка терпкая ягода. Она попробовала увеличить темп, как вдруг споткнулась. Машинально сделала шаг, споткнулась вновь, левая нога зацепилась за правую, и Дана резко упала вперед, лицом вниз. До ягодного куста оставалось не больше метра...

Глава вторая

Маргарита очнулась от того, что почувствовала холод. Приподнялась на локте, машинально натягивая на себя лежавший рядом плед, и непонимающе огляделась. Вокруг сгустились сумерки. Она посмотрела на часы. Половина десятого! Что-то залежалась тут, даже, кажется, успела задремать. Да и темнеть уже начало. Нужно подниматься, скоро приедет муж. Может, уже и приехал, а она не услышала шума его автомобиля.

Поднявшись со своего ложа, Маргарита подхватила любимую шляпу и двинулась в сторону дома. Поднялась на крыльцо, скинула легкие сандалии и заглянула на кухню.

– Что, Дана еще не вернулась? – удивленно спросила она. – Ее домашние тапочки стоят у порога, а кроссовок нет.

– Не вернулась, – подтвердила домработница. – Сама удивляюсь: так долго она никогда не бегала. И ужинать не стала. Проголодалась уже, поди.

– Так, сейчас я ей позвоню, – решительно сказала Маргарита, набрала номер дочери, но та почему-то не ответила на звонок.

Нахмурившись, Маргарита повторила звонок. Результат тот же. Она убрала телефон и закусил губу, потом бросила взгляд на улицу. Уже смеркалось – в конце августа темнеть начинает гораздо раньше, чем в начале лета, и скоро все вокруг погрузится во тьму, тем более в лесу.

– Может, сходить поискать? – неуверенно предложила домработница.

– А ты думаешь, она еще в лесу? – удивленно уставилась на нее Рита. – Наверняка отправилась куда-то. Кстати, она не говорила тебе, что собирается куда-нибудь после своей пробежки?

– Нет.

– А машину не брала?

Домработница снова ответила отрицательно. На всякий случай Рита прошла к гаражу и открыла его. Машина Даны, компактный «Фольксваген Гетц», стояла на месте. Задумчиво посмотрев в сторону леса, Маргарита вернулась в дом. Подумав еще немного, снова достала телефон и, кусая губы, набрала номер мужа.

Николай Амосов как раз собирался отправляться в Привольное. Звонок жены застал его в кабинете складывающим вещи и отдающим распоряжения бухгалтеру. Бухгалтер, молодой еще мужчина в очках, очень интеллигентного вида, стоял перед ним и слушал с самым серьезным выражением, периодически кивая.

Амосов, не прерывая фразы, бросил взгляд на телефон, увидел номер жены, после чего сразу ответил на звонок.

– Николай! – Голос Маргариты звучал тревожно. – Послушай, тебе Дана не звонила?

– Нет, – с легким удивлением ответил тот. – А что случилось?

– Не знаю, – после паузы ответила супруга. – Возможно, что и ничего, просто я себя накручиваю. Но она до сих пор не вернулась со своей пробежки.

– Ну что такого страшного? Отправилась куда-нибудь еще.

– Но она была в майке и шортах!

– И что? – Амосов по-прежнему не понимал причин волнения жены. – Ты же знаешь, сейчас в плане одежды молодежь весьма демократична.

– Она не собиралась никуда. И на звонки не отвечает! А телефон не отключен! – продолжала стоять на своем жена.

– Так что ты от меня-то хочешь? – спросил Амосов. – Я могу позвонить со своего номера...

– Вот и позвони! – перебила его жена. – Вдруг она тебе ответит?

– Ерунда какая-то, – пробормотал Николай Николаевич, отключая связь с женой и набирая номер дочери.

Выждав двенадцать гудков, он снова перезвонил Маргарите.

– Она и мне не отвечает.

– Николай, мне это не нравится! – тотчас произнесла супруга. – Нужно что-то делать. Нужно ее поискать, только я боюсь! Может быть, послать охрану?

– Подожди, – остановил ее муж. – Я сейчас кое с кем свяжусь, потом наберу тебя. Жди.

Задумавшись на секунду, он посмотрел на экран и сделал один звонок.

– Петр Николаевич, прошу прощения за беспокойство, это Амосов, – проговорил он, услышав голос генерал-лейтенанта Орлова. – Да у меня просьба к вам небольшая. Вы по номеру телефона можете определить, где он находится? Хотя бы приблизительно? Я вас очень прошу, не в службу, а в дружбу, проверьте, пожалуйста!

Орлов, хоть и был удивлен звонком Амосова, разумеется, не мог отказать ему в просьбе, тем более что только сегодня они обсудили вопрос дальнейшего сотрудничества. Вот-вот должны были быть перечислены деньги от благотворительного фонда на счет Главного управления внутренних дел, посему портить отношения с Амосовым и отказывать в такой малости было бы крайне неблагоразумно. И Орлов заверил звонившего, что все будет сделано в самые ближайшие минуты.

Дело осложнялось тем, что рабочий день давным-давно закончился и Петр Николаевич уютно коротал время дома перед телевизором. Мобильник он держал рядом с пультом. Набрав номер главка и изложив дежурному просьбу Амосова, Орлов наказал сразу же по выяснении сообщить ему. Дежурный перезвонил буквально через пару минут и доложил обстановку. Орлов тотчас набрал номер Амосова и передал ему.

– Вы уверены? – уточнил Амосов.

– Абсолютно, – заверил его генерал-лейтенант. – В таких вопросах мои ребята давно поднаторели.

Орлов никогда никому не признавался, что для него самого оставалось загадкой, как специалистам удается на расстоянии обнаруживать местонахождение телефона. Впрочем, многие другие достижения современной техники тоже были непонятны, что тем не менее не мешало ему с успехом руководить главком, а посему сильно не расстраивало Петра Николаевича. В конце концов, у каждого свой курятник, как любит говаривать его лучший сыщик, полковник Лев Иванович Гуров.

– А что, вас это удивляет? – полюбопытствовал Орлов.

– Да, видите ли, дело в том, что у меня куда-то дочь запропастилась, – решил поведать свою проблему Амосов, прикидывая, что, возможно, придется обратиться к Орлову еще с одной просьбой. – Судя по вашим данным, она находится все в том же лесу... Хотя, по идее, давно должна из него выйти. – Он вкратце обрисовал Орлову ситуацию, а в завершение разговора сказал: – Ладно, я как раз сейчас туда еду, придется проехать через это место.

– Знаете что, – предложил Петр Николаевич. – Давайте-ка я пришлю к вам пару ребят, которые проверят лес. Ей-богу, так будет лучше. Уже темно... Знаете, не исключено, что ваша дочь просто обронила телефон. Вот он и лежит себе где-нибудь под кустом и надрывается там.

– Да, но где, в таком случае, сама Дана? – спросил Амосов, и Орлов лишь вздохнул.

– Я высылаю двух сержантов. Они начнут обследовать квадрат, а там и вы подъедете. Хотя, думаю, ваше присутствие необязательно. Оперативники все проверят и доложат мне, а я вам позвоню. И не беспокойтесь, пожалуйста, Николай Николаевич!

Орлов снова позвонил в главк, выяснил у дежурного, кто из оперов сейчас на месте, выбрал двоих – не потому, что самые толковые, а просто ночью выбирать особо не из кого, – и наказал немедленно отправляться в лес в Привольное.

– Один вопрос, Петр Николаевич, – сказал один из сержантов. – Что ищем-то, телефон или девчонку?

– Ищите и то и другое – не ошибетесь. И сразу же доложите мне о результатах. Даже если они будут нулевыми.

Орлов положил трубку, нахмурился и посмотрел в окно. На город уже надвигалась ночь. Куда могла запропасться эта девчонка? В глубине души генерал не исключал, что она и впрямь отправилась куда-то из леса по своим делам. А что никого не предупредила, так молодость – пора бесшабашная! Позвал кто-то из друзей-подруг, вот и сорвалась с места. Ничего удивительного. Правда, непонятно, почему мобильник ее в лесу находится. Ну, обронила по дороге...

Петр Николаевич успокаивал себя таким образом. Он отлично понимал, что совершенно не хочет, чтобы у Амосова были неприятности. Вернувшись к телевизору, попробовал снова углубиться в просмотр телепрограммы, однако ощущал, что мысленно находится не здесь. Он понимал также и то, что его состояние связано с исчезновением дочери Амосова. Ему было не очень приятно от этой мысли, и Петр Николаевич недовольно передернул плечом, стараясь отогнать ее.

– Чего ерзаешь? – негромко поинтересовалась супруга, уже несколько минут наблюдавшая за Орловым. – Дело новое?

– Нет, ничего страшного, – придав голосу бодрые нотки, попытался успокоить ее Петр Николаевич.

Но жена слишком хорошо знала его, за долгие годы совместной жизни успела изучить досконально. Если муж ее сейчас нервничает, лучше не досаждать ему назойливыми расспросами. А еще лучше – оставили бы человека в покое! Все-таки пожилой уже, здоровье не то. В главке полным-полно молодых сотрудников, неужели обязательно надо, чуть что, тревожить самого Петра Николаевича? Один только Гуров чего стоит, да и Станислав Крячко тоже! Оба на десяток лет моложе, а опыта не меньше. Справятся.

Она понимала, что не совсем сейчас объективна. И Лев Гуров, и Станислав Крячко, так же, как и ее муж, наверняка находились сейчас дома. В главке оставались только дежурные, которые, в случае чего-то серьезного, не могли брать на себя инициативу и обращались к самому генерал-лейтенанту. Собственно, это было его личным распоряжением. Орлов всегда говорил, что лучше самому все тщательно проверить, чем потом искать виноватых.

– Пойду чайник поставлю, – проговорила жена, исподтишка вздохнув, и направилась в кухню.

...Звонок от сержанта раздался примерно через час, когда Орлов уже почти убедил себя, что ничего страшного с дочерью Амосова не случилось.

– Петр Николаевич! К сожалению, новости неутешительные, – проговорил он.

– Не нашли? – перебил его Орлов.

– Нашли, – мрачно произнес тот, и по его тону генерал-лейтенант понял, что сбылись самые худшие его опасения.

– Тропинка тут по лесу ведет, – продолжал докладывать сержант, – вот ее у края этой тропинки и нашли. С раной в виске.

– Что за рана, чем нанесена? – строгим голосом спросил Орлов, моментально превращаясь в разыскника.

– Выстрел, Петр Николаевич, – сообщил сержант. – Из чего стреляли, пока непонятно. Пуля, видимо, внутри... – Он не закончил фразу, ожидая дальнейших распоряжений Орлова.

– Та-ак, – выдохнул генерал-лейтенант. – Только этого мне еще не хватало! – Усилием воли взяв себя в руки, он сдержанно произнес в трубку: – Оставайтесь там до приезда группы, я сейчас к вам ее отправлю. Амосов знает?

– Нет, – понизив голос, ответил сержант. – Но он здесь. Подъехал минут пятнадцать назад, следом за нами. Мы велели ему в машине оставаться, а сами поиски продолжили. Когда нашли труп, решили пока ему не сообщать, а сначала вам позвонить.

– Понятно, – выговорил Орлов. – В общем, ждите!

Он не дал никаких распоряжений, так как считал себя обязанным самому рассказать Амосову об этой трагедии, поскольку именно к нему обратился с просьбой Николай Николаевич. А это означало, что и ехать в лес придется самому. В составе опергруппы, разумеется. И входить в нее должны лучшие работники, раз уж ситуация выдалась такой... Прямо скажем, неоднозначной.

В глубине души Орлов надеялся, что Амосов узнает о смерти дочери все-таки не от него. Сердился на себя за такие малодушные мысли, но ничего не мог с собой поделать. Сделал несколько шагов по комнате и подошел к креслу, на котором лежал сотовый телефон. Первым делом он набрал номер Льва Гурова, которому коротко доложил ситуацию и велел собираться. Гуров, конечно, был не в восторге, но воспринял распоряжение адекватно, сказав, что одевается и выезжает.

Рассудив, что в присутствии его самого вкупе с Гуровым вызывать еще и Станислава Крячко, пожалуй, лишнее, – для чего им там всем толпиться? – Орлов подошел к шкафу и стал собираться. Крячко можно задействовать и потом, для осмотра места происшествия и сбора предварительной информации достаточно его и Гурова.

Он застегнул брюки и принялся натягивать пиджак, как вдруг острая боль с левой стороны словно прорезала грудь. Невольно ахнув, Орлов опустил руку. Однако стоило ему лишь слегка приподнять ее вновь, как боль словно острой бритвой опять полоснула по груди. Осторожно дойдя до кресла, он опустился в него, чувствуя, как на лбу выступили капли пота, а дыхание стало прерывистым.

– Петя, что с тобой? – появилась на пороге жена, глядя на него с нескрываемой тревогой.

– Ничего-ничего, – пробормотал Петр Николаевич, тяжело дыша. – Сейчас... Пройдет...

Конец фразы он произнес совсем хрипло и стал вдруг сползать с кресла. Жена охнула, бросившись к нему, подхватила, помогла перелезть на диван, быстро схватила телефонную трубку и набрала ноль-три. Орлов, видимо, уже понял, что никуда поехать сегодня у него просто не получится, и прохрипел:

– Дай сотовый!

– Петя, тебе не стоит... – начала было жена, но Орлов нашел в себе силы громко гаркнуть:

– Дай!

Жена не посмела спорить – обычно муж никогда не разговаривал таким тоном, значит, случилось что-то действительно важное. Орлов немеющими пальцами набрал номер и произнес:

– Лева, звони Станиславу, отправляйтесь вместе... Меня что-то прихватило...

Гуров секунду молчал, потом сказал:

– Понял, не волнуйся! Ты давай держись там, слышишь? Ты вообще где, дома?

Но Орлов уже не мог говорить. Жена, с трудом сдерживая слезы, взяла из его слабеющих пальцев телефон:

– Лев Иванович, я «Скорую» вызвала! Больше пока ничего сказать не могу. Боюсь, как бы не инфаркт у него!

– Ясно, – проговорил Гуров. – Не стоит пока о плохом думать. Я вам позвоню, как только освобожусь, можно?

– Конечно!

– Да, и отправляйте его в больницу, даже если он с пистолетом в руках будет отказываться! – попытался слегка пошутить Гуров, чтобы немного подбодрить женщину. – А то знаем мы его подвиги! Небось начнет кричать, что завтра на службу пойдет!

– Завтра суббота, – напомнила Орлова.

– Вот и я о том же, – усмехнулся Гуров, отключая связь и думая о том, что ему-то завтра точно не светит провести выходной день ни на рыбалке, ни в бане. И даже неизвестно, получится ли вечером приехать в театр на спектакль...

С Крячко он договорился встретиться по дороге, поскольку отправился в Привольное на своем автомобиле. Лев частенько подхватывал Станислава, когда им вместе надлежало отправляться на дело.

Станислав стоял на улице с довольно обескураженным видом. Из торопливо произнесенных Гуровым по телефону фраз он понял только, что им предстоит срочно ехать на убийство. Куда, на чье и прочих подробностей он не знал, посему смерил Гурова взглядом, в котором таился молчаливый вопрос.

Гуров открыл дверцу, кивком пригласил Станислава садиться и коротко произнес:

– В Привольном труп девушки. Дана Амосова. Дочь того самого Николая Николаевича...

Крячко нахмурился, моментально оценивая ситуацию. Гуров поймал его взгляд, невольно усмехнулся уголками губ, направил машину в сторону МКАД и продолжил рассказывать о том, что было известно ему самому.

– ...И главное, непонятно еще, что с Петром, – сказал он в завершение.

– М-да, ситуевина не из лучших, – мрачно прокомментировал Крячко. – Похоже, не видать нам ни компьютеров, ни унитазов...

– Еще скажи, что ты из-за этого переживаешь! – хмыкнул Гуров.

– Не скажу, – согласился Станислав. – Не жили богато – нечего и начинать! Сейчас нужно думать, как убийство раскрывать. Если это вообще убийство...

– Ну, насколько мне известно, никто не кончает с собой на бегу, – заметил Гуров. – А пули с деревьев сами собой не сыплются, чтобы случайно попасть в висок! Ладно, гадать нечего, сейчас подъедем, разберемся!

Когда Гуров и Крячко приехали на место происшествия, они увидели у тропинки полицейскую машину, в которой находился водитель. Рядом с ней стоял черный джип «Тойота», он был пуст. Увидев двух полковников, водитель покинул свое место и вышел к ним.

– Чья машина? – кивнув на джип, поинтересовался Гуров.

– Амосова, – ответил тот и, покосившись в сторону леса, добавил, понизив голос: – Недавно прибыл, я хотел его остановить, сказал, чтобы посидел в машине, подождал. Но он ничего слушать не захотел, сам в лес рванул. Наверное, уже все знает...

– Понятно, – кивнул Гуров. – Труп где?

Водитель махнул рукой:

– Вот по этой тропинке идите, метров через четыреста увидите. Серега там, на месте.

Гуров и Крячко двинулись по тропинке. Шли быстрым шагом, ни о чем не переговариваясь. Через несколько минут впереди увидели свет от включенных фар.

– Кажется, дошли, – бросил Крячко.

Гуров ничего не ответил, продолжая двигаться вперед и светить впереди себя карманным фонариком. Метрах в пяти впереди от себя он вскоре заметил лежавшее на земле тело, а неподалеку сгорбившийся силуэт... А подойдя ближе, увидел сидевшего прямо на земле мужчину в дорогом сером костюме. При появлении Гурова и Крячко он поднял на них глаза, в которых застыли усталость и боль. В правой руке мужчина держал фляжку, из которой периодически прихлебывал.

Навстречу сыщикам сразу двинулся сержант, бросив на мужчину осторожный взгляд. Гуров вспомнил, что фамилия его, кажется, Капитонов. Он сдержанно поприветствовал сержанта и спросил:

– Что-нибудь трогали?

– Абсолютно ничего, Лев Иванович, – заверил его Капитонов. – Убедился только, что девушка мертва, и сразу позвонил генерал-лейтенанту Орлову. Остальное время вас ждал. Минут десять назад подошел... – Он снова покосился на сидевшего на земле мужчину: – Господин Амосов. Увидел ее, сразу опознал свою дочь и сказал, что она по вечерам совершала пробежку в этом лесу.

– Телефон не нашли?

– Нет, я и не пытался искать. Во-первых, посчитал, что мне рядом с трупом нужно находиться, а во-вторых, как тут что-нибудь искать-то, в такой темноте?

– Правильно посчитал, – кивнул Крячко. – Каждый должен заниматься своим делом.

Гуров подошел к Амосову. Тот смерил его безразличным взглядом и снова приложился к фляжке.

– Прошу прощения, Николай Николаевич, но сейчас прибудет следственная группа, – начал Гуров. – Вам лучше покинуть это место. Если вы в состоянии отвечать на вопросы, с вами побеседуют.

Амосов смотрел так, словно не видел и не слышал ничего происходящего вокруг. Однако после слов Гурова стал подниматься с земли и тихо проговорил:

– Никогда, даже в страшном сне, не думал, что такое может произойти... А ведь должен был предусмотреть!

– Простите? – сдвинул брови Гуров, однако Амосов не успел ответить, поскольку на тропинке послышались шаги и голоса, и вскоре к ним вышла следственная группа, включавшая двух экспертов, следователя и его помощника. Видимо, они уже были осведомлены о том, что произошло убийство дочери довольно известного человека, поскольку не удивились и не стали задавать вопросов по поводу личности убитой девушки.

Гуров молча пожал всем руки и первым подошел к трупу, попросив группу немного подождать. Осветив фонариком тело девушки, склонился над ним. Она лежала на боку, но лицо было повернуто вверх. Большие голубые глаза широко раскрыты. На правом виске маленькая аккуратная дырочка, из которой тянулся темный след струйки крови. Во взгляде застыло удивление. Девушка была одета по-спортивному. На голых ногах виднелись следы от укусов комаров, которые, видимо, набросились на свою незащитную жертву, и теперь гладкая кожа во многих местах покрылась волдырями. Почему-то именно этот факт тронул Гурова больше всего. На всякий случай проверив пульс, он убедился, что Дане Амосовой уже никто не поможет...

Осторожно сунув одну руку в карман ее шорт, он нащупал там плоский прямоугольник и достал его. Сотовый телефон был целехонек, стало ясно, что девушка отнюдь его не теряла, а не отвечала по простой причине: она просто не в состоянии была этого сделать...

Другой карман шорт был пуст. У Даны Амосовой не оказалось при себе никаких вещей, только мобильник. Посветив фонариком вокруг, Гуров вдруг заметил блестящий чуть в отдалении небольшой предмет. Приблизившись, он понял, что это ключи с брелоком в виде миниатюрного глобуса. Подозвав эксперта и показывая ему на ключи, велел их изъять. Эксперт осторожно подцепил ключи пинцетом и отправил в прозрачный пакет.

– Думаете, это имеет отношение к делу? – сдвинув брови, спросил следователь прокуратуры.

Это был еще совсем молодой парень, только что закончивший учебу. Именно недостаток опыта явился причиной того, что он задал такой вопрос. И именно поэтому Гуров ему ответил, хотя в другой ситуации наверняка бы проигнорировал.

– Следствие покажет, – бросил он и повернулся к следственной группе: – Приступайте!

После чего отошел к стоявшему в сторонке Станиславу Крячко. Тот посмотрел на друга исподлобья и сказал:

– Смахивает на работу киллера, верно? С одного выстрела, в висок... К тому же точно знали, что она будет в это время именно в этом месте.

Гуров собрался уже высказать свои соображения, хотя их пока было совсем немного, как в этот момент со стороны окраины леса послышались чьи-то громкие голоса. Разобрать слова было невозможно, тем не менее голоса приближались. Вскоре на тропинку почти вбежала довольно молодая, взвинченная, но решительно настроенная женщина. За ней спешил водитель полицейской машины, пытаясь ухватить женщину за руку и что-то втолковывая ей на ходу. Женщина наотрез отказывалась слушать, она резко выдернула руку, за которую ее успел все-таки взять водитель, и бросилась вперед. Увидев лежавшее на земле тело, вдруг резко отшатнулась, широко распахнув темные глаза, и прикрыла рот рукой. Затем в растерянности повернулась к Амосову и бросилась к нему.

– Рита, ты что здесь делаешь? – заговорил наконец Николай Николаевич.

– Товарищ полковник, я пытался остановить, говорил, что сюда нельзя, – оправдывался водитель.

– Все нормально, – остановил его Гуров. – Возвращайся в машину.

Тот подчинился, а женщина продолжала трясти Амосова. Она крепко ухватила его за плечи обеими руками и пытливо заглядывала в лицо, не переставая задавать один и тот же вопрос: что здесь произошло? Амосов же выглядел словно оцепеневшим. Он даже не пытался освободиться из цепких рук супруги, только смотрел перед собой пустыми глазами.

Гуров решил вмешаться. Подойдя ближе, он сказал, доставая удостоверение:

– Министерство внутренних дел, полковник Лев Иванович Гуров. Вы спрашиваете, что происходит? Проводится осмотр места преступления с обнаружением трупа. Можно узнать, кто вы?

– Я? – женщина в изумлении уставилась на Гурова. – Я, собственно... Маргарита Амосова...

– Это ваша супруга? – обратился Гуров к застывшему Амосову.

– Да, – ответил тот и вдруг заговорил быстро, торопливо, словно пытаясь наверстать упущенное: – Маргарита, я же сказал тебе, чтобы ты дожидалась дома! Ну зачем ты сюда поехала? Ты же только осложнишь все!

– Господи, да куда уж тут усложнять! – воскликнула женщина. – Я ничего не понимаю! Что произошло? Что с Даной?

– Ее убили выстрелом в висок, – снова вмешался Гуров. – Предположительно, из пистолета. У вас есть какие-нибудь соображения на этот счет?

– Какие же у нас могут быть соображения... – заговорила было Маргарита, но вдруг осеклась и пристально посмотрела на мужа.

Сделав над собой усилие, тот произнес:

– Простите, но я сейчас вряд ли смогу внятно ответить на ваши вопросы. У меня просто какая-то каша в голове. Я не могу поверить в реальность происходящего, мне все кажется, что это какой-то дурной сон! – И с надеждой посмотрел на жену, словно она могла подтвердить это.

Но Маргарита, увы, не обладала такой возможностью. Она переводила взгляд с тела дочери на мужа, потом подняла глаза на Гурова и произнесла дрогнувшим голосом:

– Может быть, нужно вызвать «Скорую»? Почему вы не сделали этого до сих пор?

– Потому что это уже ни к чему, – пояснил Гуров. – В том, что Дана мертва, нет никаких сомнений. Ее как раз осматривает сейчас врач.

Женщина бросила взгляд на тело дочери, над которым склонился судмедэксперт. Словно почувствовав его, тот проговорил:

– Смерть наступила около двух часов назад, даже чуть больше. По предварительным данным, от огнестрельного ранения в висок. Остальное скажу позже.

– Лучше расскажите, пожалуйста, поподробнее, как все произошло, – обратился Гуров к Маргарите Амосовой, потому что от ее впавшего в ступор супруга сейчас явно нечего было ждать конструктивных действий. Этот вполне респектабельный, успешный человек выглядел полностью выбитым из колеи и деморализованным. Хотя Гурову не приходилось встречать его раньше и он не мог в точности описать его характер, все же, судя по положению, которое занимал Амосов, и тому, чего он добился, он должен обладать достаточными волевыми качествами. Сейчас же от этого не осталось и следа.

Николай Николаевич «дососал» свою фляжку, уронил ее на землю и снова сел, схватившись за голову и раскачиваясь из стороны в сторону, при этом бормоча что-то себе под нос. Его жена, хоть и тоже оглушенная горем, выглядела более уверенно. Во всяком случае, медицинская помощь ей не требовалась, чего нельзя было сказать о ее муже. Понаблюдав за ним со стороны, Гуров подошел к судмедэксперту и попросил дать Николаю Николаевичу какой-нибудь успокоительный препарат.

Маргарита тем временем принялась рассказывать о том, как Дана отправилась на пробежку, предупредив ее, что немного задержится, но ненадолго. А когда стало темнеть, мать заволновалась и позвонила мужу, который обратился за помощью в полицию... Сидеть дома в полном неведении ей было невыносимо, и она помчалась к лесу на своей машине, которую оставила на краю леса.

На вопрос, в каком состоянии находилась дочь, Маргарита ответила, что она была более задумчивой, чем обычно, и, как ей показалось, ее что-то тревожило.

– Но ничего уж такого серьезного, – добавила она.

– Вы не знаете, Дана не собиралась встретиться с кем-нибудь в лесу? – спросил полковник.

– Нет, – с недоумением ответила Маргарита. – Мне вообще кажется, что лес – не совсем подходящее место для встреч!

– И тем не менее кто-то ее здесь подждал, – задумчиво заметил Гуров. – Скажите, кому, кроме вас, известны привычки Даны?

– В смысле? – непонимающе посмотрела на него Маргарита.

– Она бегает регулярно? В определенные часы, ежедневно?

– Да, – подтвердила мать. – В городе – на стадионе, а здесь по лесу.

– Кто-нибудь в курсе этой ее привычки? Друзья, знакомые?

– Не знаю, – наморщив лоб, развела руками Маргарита. – Я не думаю, что Дана скрывала это. Возможно, многие и были в курсе.

– Раньше она никому не назначала встреч в лесу?

Маргарита ответила, что, насколько ей известно, нет. В этот момент к ним подошел Станислав Крячко:

– Скажите, а вам знакомо имя Никита? Был у Даны приятель с таким именем?

Маргарита Амосова моментально встревожилась и подозрительно спросила:

– А что такое?

– Так знаете или нет? – повторил Крячко.

– Да, у Даны есть приятель с таким именем, – быстро ответила она. – И довольно близкий.

– Насколько?

– Знаете, – вспыхнула Маргарита, – я считаю бестактным интересоваться такими подробностями!

– Что подделаешь! – с сожалением вздохнул Крячко. – Мы, опера, вообще народ бестактный. Нас даже грубыми называют. Работа такая!

Маргарита поджала губы и сухо ответила:

– Говоря о бестактности, я относилась это в первую очередь к самой себе. В том смысле, что не считаю приличным задавать такие вопросы дочери!

– То есть вы не интересовались ее друзьями? – уточнил Крячко и вновь получил отрицательный ответ.

– Как фамилия Никиты? – спросил Гуров, по тону Крячко понявший, что вопросы, которые он задает, очень важны.

– Маминов, кажется, – с трудом припомнила Маргарита. – Или Маринов...

– Она не собиралась сегодня встречаться с ним?

– Нет, он же живет в Москве! Сюда мы его не приглашаем.

– Я смотрю, вам не очень нравится этот человек, – заметил Гуров.

Маргарита ничего не ответила, и Крячко спросил, известен ли ей адрес Никиты Мамина или Маринова. Мать Даны и здесь ничего не смогла ответить, сказав лишь, что вроде бы он живет где-то в Новогирееве со своей мамой и работает промоутером.

Крячко оставил пока ее в покое, отвел в сторону Гурова и сообщил:

– В мобильнике Даны последний звонок адресован некоему Никите. И произошел он без десяти семь, то есть за десять минут до того, как у нее начиналась пробежка.

– Это может ни о чем и не говорить, – покачал головой Гуров.

– Может, – согласился Крячко. – Но у меня есть одно предположение...

Он подозвал эксперта, взял у него пакетик с упакованными ключами с брелоком и приблизился к Маргарите:

– Скажите, вам раньше никогда не приходилось видеть этот предмет?

Амосова взглянула, протянула было руку, но Крячко не дал ей пакет, предупредив:

– Осторожнее, это может быть уликой.

– Кажется, я видела нечто подобное у Никиты, – не очень уверенно произнесла та и добавила: – Нужно спросить у мужа. – И уже громко крикнула: – Николай!

Амосов, впавший после принятого препарата в прострацию, услышал голос жены и вялой походкой приблизился к ним.

– Кажется, у этого Мамина был такой, верно?

– Может быть, – слабым голосом отозвался тот.

Гуров оставил пока Крячко разбираться с женщиной, сам же подошел к судмедэксперту:

– Слушайте, что это с Амосовым? Такое впечатление, что его наркотиками накачали!

– Вряд ли, – покачал головой врач. – Скорее всего, просто психика защищается подобным образом. Мне доводилось такое наблюдать. Человек переживает шок и, пытаясь заслониться от боли, впадает в апатию. То есть нервная система как бы затормаживается. Не волнуйтесь, думаю, он скоро придет в себя. Только на сегодня его лучше оставить в покое.

Тем временем к Гурову подошел один из оперативников:

– Лев Иванович, мы нашли гильзу, вот, – и протянул на ладони продолговатый кусочек металла.

Гуров с задумчивым видом покрутил гильзу в руках. Пока что ему сложно было делать какие-либо выводы, и он сказал:

– Передайте баллистам на экспертизу. И пулю, когда извлекут, тоже. Тогда можно будет попытаться определить, из чего стреляли.

Оставив пару оперативников во главе с помощником следователя в лесу, Гуров, Крячко и остальные члены группы решили переместиться в дом. Собственно, осматривать его весь Гуров считал излишним. Его волновала только комната Даны, в которую он и направился. Из obsługi в данное время суток в доме находились лишь охранник и одна домработница, отвечающая за приготовление обеда. Она также показала, что Дана с вечера отправилась на свою пробежку, которую совершала регулярно, и не вернулась. Мать забила тревогу, подняла отца, а дальнейшее полковнику уже известно.

Кроме того, женщина сообщила, что работает у Амосовых около пяти лет и хорошо знает всех членов семьи. Что Дана – единственная дочь Николая Николаевича и Маргариты

Юрьевны, что девушка она на редкость хорошая, серьезная, только немного замкнутая. Что ссор и скандалов в семье практически не бывает, потому что каждый живет своей жизнью.

На вопрос о Никите Маминове-Маринове уверенно ответила, что здесь парень никогда не появлялся, но в городе Дана с ним встречается часто, поскольку она сама слышала, как девушка неоднократно договаривалась с ним о встречах по телефону.

Осмотр комнаты Даны, конечно, кое-что дал Гурову в плане понимания характера и предпочтений девушки, но новых направлений в расследовании не обеспечивал.

– Ну что, Лева, есть еще смысл здесь торчать? – спросил Крячко.

– Да, наверное, нет, – чуть подумав, ответил Гуров. – Примерная обстановка вечера нам ясна. Подробности лучше выяснить завтра, когда у родителей схлынет первоначальный шок. Пока обойдемся их предварительными показаниями, сейчас есть чем заняться. И срочно. Нужно пробивать адрес этого Никиты и ехать к нему. А дальше уже решать по ситуации.

– Согласен, – кивнул Крячко и набрал дежурный номер Главного управления внутренних дел.

В районе Новогиреева обнаружился только один подходящий по возрасту Никита Маринов – именно так правильно звучала его фамилия. На всякий случай Крячко сообщил и номер его мобильного телефона. Вскоре подтвердилось, что номер действительно зарегистрирован на Маринова Никиту Анатольевича восемьдесят девятого года рождения.

– Насколько легче стало жить, Лева, с появлением сотового телефона, – довольно проговорил Крячко, убирая свой потертый мобильник в карман.

Станислав приобрел его, кажется, лет семь назад, в то время, когда у многих сотрудников уже были современные на тот момент модели. Крячко поначалу отнесся скептически к новинке технического прогресса и снисходительно махал рукой на предложение купить себе мобильник, отговариваясь тем, что привык работать по старинке и вполне обойдется без этих «штучек-дрючек». А на случай экстренной связи, если что, предусмотрена рация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.